

© 1994 г., ЭО, № 5

Е. А. Костюхин

ЖИЗНЬ И ИДЕИ АЛЕКСАНДРА НИКИФОРОВА (1893—1941 гг.)

Выдающемуся русскому фольклористу, этнографу, литературоведу А. И. Никифорову в 1993 г. исполнилось бы 100 лет. Научная его биография укладывается в 25 лет. За четверть века Никифоров успел сделать немало, и его идеи и разработки вошли в теорию и практику отечественной фольклористики. Деятельность Никифорова относится к 1920—1930-м годам, и многое в ней принадлежит той эпохе: эпоха подсказывала проблемы, определяла пути и способы их решения. Но настоящий ученый, каким был Никифоров, принадлежит не одной лишь своей эпохе. Многие его идеи были осмыслены позднее, многие не потеряли актуальности и сейчас. Поэтому творческая жизнь Никифорова зовет не только к объективной оценке «времени» и судьбы ученого, но и к размышлениям о «себе», о нуждах и заботах науки сегодняшнего дня.

Александр Исаакович Никифоров родился 21 июня 1893 г. (по ст. стилю — 9 июня) в Петербурге в семье рабочего. В 1912 г. он поступил на филологический факультет Петербургского университета, а в 1915 г. Никифоров пришел в семинар к В. Н. Перетцу. Из этого семинара вышло немало первоклассных филологов, известных не только в области изучения древней литературы. «Приступающему к научной работе предлагалось начинать ее с изучения общих вопросов истории и теории литературы (Paul, Brunetiér, Потебня, Веселовский и др.), приемов научно-критических изданий памятников литературы и языка»¹. Сам руководитель серьезно относился к методологии и посвятил ей несколько работ (см., например, «Краткий очерк методологии истории русской литературы», Пг., 1922). Методологическую ответственность воспитывал он и в своих учениках. «Суровый эмпиризм, требование эрудиции, строгости метода, возможной полноты материала, доказательности положений и отчужденности задач работы, ее изложения и выводов — вот те внутренние принципы, которые прививались работникам семинария»².

В семинаре В. Н. Перетца Никифоров изучал апокрифическое «Житие Макария Римлянина»³. Здесь определяется один из его главных научных интересов — древняя русская литература, рассматриваемая не сама по себе, а на границах ее с народным творчеством. На первых порах внимание Никифорова привлекают не вершины древней русской литературы, а творчество «средней руки старинных русских писателей», «полународное, полукнижное»⁴. От фольклора к литературе и обратно — это движение тем и сюжетов особенно занимает Никифорова. Свидетельство тому — его первая опубликованная крупная работа «Русские повести, легенды и поверья о картофеле»⁵. «От смущенного лепета доверчивого сознания нижегородского старовера через руки полуграмотного начетчика к перу интеллигентного средней руки беллетриста и еще дальше в лабораторию ученого — вот история наших миниатюрных и далеко не богатых содержанием сюжетов»⁶. Этот интерес к «демок-

ратическому литературному направлению» сохраняется у Никифорова на всю жизнь.

Когда студенческий курс был позади (1917 г.), по представлению В. Н. Перетца и А. А. Шахматова молодой ученый был оставлен при университете для подготовки к профессорской деятельности. Спасаясь от голода, Никифоров был вынужден покинуть Петроград: в 1918 г. он едет в Казань, где начинает преподавать литературу в Высшем педагогическом институте, работает в архиве, становится членом Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, а также членом Казанского общества любителей российской словесности им. Пушкина. Никифоров собирает старинные рукописи и ратует за государственный план спасения гибнущих культурных ценностей⁷.

В 1922 г. Никифоров вернулся в Петроград, где и оставался до конца своих дней. Сначала он работает сотрудником Музея Л. Н. Толстого, одновременно является членом редколлегии по изданию Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого; затем — сотрудником Научно-исследовательского института сравнительного изучения литератур и языков Запада и Востока им. А. Н. Веселовского при Ленинградском университете. Кроме того, он преподает в Ленинградской промышленной академии, где ведет курсы истории русской литературы и истории русского языка, а в последние пять лет жизни — в педагогических институтах им. М. Н. Покровского и А. И. Герцена, читая курсы фольклора — русского и народов СССР (им была подготовлена хрестоматия по фольклору народов СССР, оставшаяся в рукописи) и древней русской литературы.

Постепенно Никифоров втягивается в круг чисто фольклорно-этнографических интересов. В автобиографии, написанной в 1941 г. вскоре после защиты докторской диссертации, он отмечает, что диапазон его работ «охватывает проблемы на первом месте фольклористики, далее древней русской литературы, изучение творчества Л. Н. Толстого, и еще далее вопросы русской лингвистики, палеографии, археологии, музееведения и педагогики»⁸.

Ученый неоднократно призывал собирать все, что имеет отношение к жизни русского народа. Одержимый «государственными планами» накопления культурных ценностей, Никифоров с надеждой обращает взгляд на школу. Он пишет книгу «Этнография в школе», в которой предлагает ввести этнографию в школьную программу. К книге приложены солидная библиография и «66 программ для учащихся и учащихся по собиранию материала в разных областях этнографии и фольклора». Но ученый преследовал не только научные цели. Продвижение этнографии в школу должно было привести, по его мнению, к преобразованию народного сознания: «Дело в том, чтобы сдвинуть стабилизированную традицией мысль массы до состояния брожения, когда возможно и критическое пробуждение мысли, и сознательная аналитическая ее работа»⁹. Краеведческая работа должна, стало быть, перестроить народное сознание. Есть у этой работы и более скромные, но не менее благородные задачи сближения науки и жизни, выработки научного мировоззрения: «Этнография в школе — это тот мостик, по которому будут просачиваться соки народной жизни в сознание учащихся и, таким образом, способствовать знакомству с нею в течение всей школьной жизни, а с другой стороны, это — тот мостик, по которому учащийся пойдет от суеверия и невежества к положительному знанию и свету, чтобы потом нести и то, и другое назад, в массы»¹⁰.

Этнографический романтизм молодого Никифорова рожден эпохой войн и революций (и понятно, что одно из основных направлений краеведческой работы по Никифорову — определение того нового, что внесли в быт и хозяйство война и революция). Этнография смыкалась с краеведением, становилась своего рода локальной культурологией. Программа Никифорова звала к воспитанию свободной и самостоятельной личности. Тоталитарному же режиму нужна была личность иного плана — лишенная свободы и само-

деятельности, может быть, и героическая, но с героизмом запрограммированным («Когда страна прикажет быть героем, у нас героем становится любой»). Все надежды на краеведение были развеяны без остатка: именно краеведение пало одной из первых жертв коммунистических походов против науки. Основатель отечественного научного краеведения И. М. Гревс, на которого уважительно ссылался в своей книге Никифоров, был ошельмован, а краеведение все более клонилось к несложному набору исторических иллюстраций, свидетельствовавших о том, что весь смысл истории — в движении к торжеству социализма и расцвету социалистической культуры.

Никифоров не только звал к собиранию материала по этнографии и фольклору, но и сам включился в эту работу. На первое место в его интересах все решительнее выходит сказка. В 1924 г. Никифоров вошел в состав Сказочной комиссии при Русском географическом обществе. Он делает обзоры работ о сказке на русском языке, знакомится с современным зарубежным сказковедением, вместе с Н. П. Андреевым расписывает русские сказки по каталогу А. Аарне¹¹.

Три лета — 1926—1928 гг. — проводит он в северных экспедициях (Заонежье, Пинега, Мезень), работая и самостоятельно, и в составе экспедиции Государственного института истории искусств. Никифоров выступает с большой программной статьей «К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности»¹². Оценивая классические сборники русских народных сказок, Никифоров приходит к неутешительному выводу: «Все русские сборники сказок дают материал случайный с точки зрения репертуара или записанного текста»¹³. Ставя множество научно-сборительских задач (текстологических, литературно-исторических, культурно-теоретических, социально-этнографических, лингвистических), Никифоров намечает совершенно новые пути в собирании и учете фольклорных материалов. Его отчеты об экспедициях дают подробный анализ сказочной традиции — со статистикой сказочников — по полу, возрасту, репертуару. Случайности в отборе сказок исключаются¹⁴. В отличие от большинства фольклористов-современников, увлеченных поисками «мастеров» сказки, Никифоров записывает все подряд, будучи убежден в том, что «громадный интерес приобретает вопрос о *рядовом, будничном, обычном исполнителе* былины, песни, сказки и т. п.»¹⁵.

Отсюда пять правил, которым неукоснительно следовал Никифоров: 1) записывать от каждого, не выбирая исполнителей, 2) записывать то, что дают, — и тогда первыми оказываются тексты наиболее популярные, 3) запись должна быть фонетически точной, 4) регистрация всего материала, в том числе и не записанного из-за недостатка времени, 5) регистрация и запись всех вариантов¹⁶. Чтобы понять, как живут сказки, нужно записывать их повсюду, необходимы тексты «разнокачественные» — лишь при этом условии можно избежать субъективизма в презентации сказочной традиции. Сетует Никифоров и на то, что в нашей стране не начата репертуарно-картографическая работа¹⁷. Ученый предлагал начать наблюдения над районированием сказочных репертуаров (сам он четко разделял репертуары заонежский и пинежский), вести статистику географического распространения сюжетов, считал необходимым в работе сказковеда новый инструмент — арифмометр (для статистической работы).

Призывы Никифорова, к сожалению, не были услышаны. Мы и по сей день не имеем фольклористических карт (а в других странах, в том числе и республиках бывшего СССР, такие карты и подробную статистику можно найти)¹⁸. По сей день не налажен учет сказок, осевших в фольклорных архивах: сюжетных росписей архивных сказок у нас мало (их делала в 20-е годы Сказочная комиссия, сделаны они и в Нижнем Новгороде и в Петрозаводске).

Никифоров собрал огромный материал — около 600 сказок¹⁹. При жизни ученого его собрание — самое большое из всех собраний русских сказок —

так и не увидело света. Все попытки издать северные русские сказки оказались безуспешными. В «минорном настроении» обратился Никифоров к М. Горькому, но тот был решительным противником «безотборочного» издания фольклорных материалов. К тому же Горький боролся тогда за чистоту русского литературного языка, и сказки с их диалектизмами этой борьбе только мешали. Поэтому писатель отказал в поддержке, а Никифоров оказался прав, когда пророчески предсказывал посмертное издание своего собрания²⁰.

Действительно, только через 20 лет после смерти Никифорова его собрание было напечатано²¹. Однако издана была лишь четвертая часть собрания (остальные тексты описаны, но кратко и не полностью: В. Я. Пропп, подготовивший это издание, исключил из описи непристойные сказки). Оказался нарушенным, хоть и невольно, один из основных принципов Никифорова — полноты собрания, исключающей субъективизм в выборе текстов. Найти издателя собрания в полном виде так и не удалось²².

Итак, изданный посмертно сборник не отвечает представлениям Никифорова о том, каким должно быть научное собрание сказок. По мысли Никифорова, новый сборник не только вводит в обиход новые тексты (хотя в этом его главная задача) — он должен обладать солидным научным аппаратом. Особенно важны комментарии, которые должны дать исчерпывающие характеристики бытования сказки. Вот какой мыслилась Никифорову проблематика научного сборника сказок: «Весь сложный круг проблем жанровой дифференциации сказок, проблемы появления их на Севере, т. е. вопросы районирования сюжетов, проблемы художественной школы, традиции и личности в сказке...»²³. Продумывает Никифоров и новые принципы расположения материала в сборнике. Он хорошо сознает, что расположение сказок по сказочникам — это достижение русской фольклористики, но предлагает идти дальше — к «подаче мастеров не в механическом соединении, а сгруппированными по стилям, по школам, по манерам рассказа»²⁴. Предложение это осталось нереализованным в русской издательской практике и вообще едва ли может быть реализовано, поскольку типы рассказчиков не поддаются надежной классификации (хотя Никифоров и считал, что есть всего четыре типа сказочников, но есть у него и такие определения: «эпик со скупыми проблесками артистизма», «забавница с элементами артистической театрализованности»). Кроме того, расположение сказок «по мастерам» неизбежно вступало в противоречие с принципом полноты представления материала. Никифоров был именно за полноту: «Все без исключения варианты имеют „особенный“ интерес, даже дефектные и разрушенные»²⁵. Но дефектные варианты свидетельствуют не о мастерстве, а об его отсутствии; если же говорить именно о мастерстве, это предполагает отбор материала, т. е. обрекает сборник на заведомую неполноту.

В стремлении к «полноте» обнаруживается опасность, которой не избежал Никифоров и которая грозит многим собирателям. Что за сказки известны в Заонежье, на Пинеге и Мезени — вот на какой вопрос должно было ответить Никифоровское собрание. И отвечало. Маленькие девочки и старушки, люди бывалые и никогда не выезжавшие из своей деревни — все на равных были представлены в этом собрании. Но ведь сказки жили иначе. Маленькая девочка могла и не быть сказочницей, т. е. никогда и никому, кроме собирателя, выпытавшего у нее две-три сказки, ничего не рассказывала. В реальной жизни сказок «дефектных» вариантов практически не было, а были действительно мастера, на сказки которых был спрос, и в репертуарах у них были «коронные» номера. Зная иногда до нескольких десятков сказок, рассказывали они значительно меньше. Никифоров убедительно показал, что сказочников-профессионалов в северной русской деревне не было и что их, может быть, вообще не было никогда в истории русской культуры²⁶. Но это вовсе не значит, что не было мастеров, что сказки рассказывались всеми и повсюду. «Полное» собрание давало представление об известности сказок, но не давало

верного представления об их реальном бытовании, где отличались именно «мастера», а не случайные рассказчики с их дефектными вариантами. Тезис о равноправии всех текстов не отвечает действительности. Это не отменяет, однако, справедливости защищаемого Никифоровым другого тезиса: «Для фольклориста каждый вариант бесконечно ценен, и чем больше вариантов одного и того же сюжета, тем шире раскрывается исследовательская проблематика и тем прочнее возможные выводы»²⁷.

Тезис этот подтверждается замечательной публикацией 15 вариантов знаменитого сюжета «Победитель змея», единственной в своем роде²⁸. Сказочники и сказочницы разного возраста и разного жизненного опыта, с разными манерами исполнения «показывают» одну и ту же сказку, которая обычно контаминируется с другими сюжетами. С полной очевидностью публикация демонстрирует, что эти 15 вариантов относятся к 2—3 достаточно устойчивым версиям. Но среди рассказчиков были и люди грамотные, читавшие сказки в дешевых изданиях, что наложило отпечаток на их варианты. Были здесь и путаники, которые едва ли эту сказку когда-либо рассказывали, а скорее всего, уступили настойчивости собирателя. Никифорову его публикация говорит об ином. Все 15 вариантов — это результат «массового крестьянского творчества»²⁹. Говорить о едином типе № 300 (этот номер присвоен «Победителю змея» в каталоге Аарне) не приходится, а сказочные схемы, построенные учеными финской школы, оказываются ложными, а закон устойчивости сказочного текста силы не имеет.

Едва ли с этим можно согласиться. Творческие потенции исполнителей Никифоровым преувеличены: случайные рассказчики — это явно не творцы. Оценивая свой эксперимент, Никифоров показывает, что сказки эти не разложились и не выветрились, но он признает: «В наши дни среди мужского населения интерес к волшебному победителю змея ослабевает и заменяется интересом к сказке новеллистической. А победитель змея переходит в репертуар детей и подростков»³⁰. И признание это говорит как раз о разрушении сказки о победителе змея. Отсюда и выпадение традиционных звеньев сюжета, и безудержное комбинирование разных сюжетов, так что в контаминациях «Победитель змея» оказывается лишь одним из эпизодов.

Итак, с выводами Никифорова согласится не каждый сказковед. Но все-таки только такие публикации, а не «избранные мастера» открывают картину подлинной жизни сказки в 20—30-е годы. Издания «избранных мастеров» создавали иллюзию расцвета традиционного народного творчества с его прогрессирующей «шлифовкой». Эксперимент Никифорова безжалостно разрушал эту иллюзию, свидетельствуя о неизбежном упадке традиционной сказки в новую эпоху.

Собирание сказок стало частью научной деятельности Никифорова. Более того, встреча с «живым» фольклором и наблюдения над реальным его бытованием во многом сформировали Никифорова как крупнейшего русского сказковеда, определили направление его исследований. В северных экспедициях талант Никифорова окреп, и русская наука обрела яркого, оригинально мыслящего ученого.

Научная деятельность Никифорова лишь однажды получила развернутую оценку — ее дал В. Я. Пропп во вступительной статье к «Севернорусским сказкам»: «Его деятельность падает в основном на двадцатые и тридцатые годы, когда основы дореволюционной методологии рушились, а новая методология еще не была найдена. Вся деятельность А. И. Никифорова пронизана глубоко продуманными и вместе с тем стремительными поисками новых путей»³¹. Вторая часть этой характеристики безусловно верна: методологическая рефлексия всегда была свойственна Никифорову, и каждый свой шаг он действительно глубоко продумывал. Никифоров не нащупывал, а сознательно искал свой путь в фольклористике. Ни у одного из отечественных сказковедов 20—30-х годов нет такого количества рецензий на работы западноевропейских

фольклористов, как у Никифорова: книги К. Крона, В. Андерсона, С. Лильбе-лада, А. Вессельского получают у него развернутые критические оценки. Что же касается направления поисков Никифорова (точнее — исходного их пункта), здесь с В. Я. Проппом согласиться трудно. Кризис основ дореволюционной методологии тут ни при чем: Никифоров равнодушен к старой русской фольклористике с ее корифеями (в ранних его работах нет практически ссылок на А. Н. Афанасьева, Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского), хотя Веселовского Никифоров читал и комментировал его работы о сказках. Это уже история науки, а Никифорова интересует новейшее ее слово. Поэтому внимание его привлекает господствующая в мировой фольклористике сказковедческая школа — историко-географическая (финская). Свой путь в науке Никифоров ищет, отталкиваясь не от традиций отечественной фольклористики с ее «дореволюционной методологией», а противопоставляя собственные представления о фольклоре историко-географическому методу.

«Научный роман» Никифорова с финской школой интересен и поучителен — это своего рода «роман без взаимности», и чем дальше он развивался, тем напряженнее становились отношения, тем жестче относился Никифоров к предмету былого уважения. Поначалу это действительно уважительное отношение. Оценивая «учебник по сказковедению» К. Крона «Рабочий метод фольклористики», Никифоров отмечает тщательность методики исторического изучения материала, основанного на солидной источниковедческой базе³². Двумя годами раньше, рецензируя монографию В. Н. Андерсона «Император и аббат», Никифоров оценивает ее как «крупное научное событие», поскольку автора отличают «изумительная эрудиция, смелость ориентировки в колоссальном материале»³³. Но уже в этой рецензии у Никифорова появляются сомнения методологического характера. Воздавая должное В. Андерсону (хотя и не без доли иронии: «Проф. В. Андерсон героически выбирается из леса комбинаций, который оказался в материале, обнаруживая огромный запас эрудиции, остроумия и изворотливости, но в то же время возбуждая иногда сомнения читателя»)³⁴, Никифоров не просто отмечает уязвимые стороны историко-географического метода: ненадежность статистики ввиду неравномерности в собирании материала по разным регионам, сомнительность определения архетипа по преобладающим вариантам, немотивированность «исторических переворотов» в жизни сказочных сюжетов. Он усматривает коренные методологические просчеты ученых финской школы в пренебрежении проблемами живой жизни. Изучение истории отдельных сюжетов не приближает нас к пониманию сказки — исследованию должны подлежать судьбы сюжетных гнезд на дорогах культуры, и в расчет следует брать факторы культурно-исторический, этнографический, имманентно-художественный. Путь же, предлагаемый финской школой, ведет в тупик, поскольку «недостижима постановка вопроса об изучении сказки в мировом масштабе»³⁵. Никифоров, разумеется, понимает, что сюжеты сказок международны, что «эти рассказы переносились соседями друг от друга, подчинялись условиям новой среды и экономики и в измененном виде передавались дальше, а иногда обратно туда, откуда пришли»³⁶. Но проследить эти пути за давностью лет невозможно, и не этим нужно заниматься.

Впоследствии Никифоров пересмотрит установку о невозможности изучения сказки в мировом масштабе, но решать проблему он будет принципиально иначе, чем делала это финская школа. Пока же мысль о всемирной сказке отвергнута вместе с другим исходным принципом историко-географического метода — восстановлением истории сказочного сюжета: такая история казалась Никифорову задачей неразрешимой. Он охотно присоединяется к мнению Ван-Геннепа: «Мало-помалу начинают исцеляться от болезни XIX века, которую можно назвать исторической линией, в силу которой все настоящее рассматривается только в отношении к прошлому»³⁷. Выпад против историзма,

ставшего одним из краеугольных камней советской фольклористики, был столь резок, что редактор «Художественного фольклора», печатавший рецензию Никифорова, вынужден был сделать примечание о своем несогласии с автором.

В начале 1930-х годов Никифоров написал несколько выдающихся работ, обозначивших его путь в науке. Как будто предчувствуя, что ему отпущено мало времени, он порою пишет статьи, где проблемы лишь конспективно намечены. Такова его работа «Эротика в великорусской народной сказке»³⁸, оставшаяся нереализованной заявкой не только у Никифорова, но и в советской фольклористике вообще, «не заметившей» эту тему. Им ставится вопрос об основных стилевых линиях в сказке... и оставляется «на долю будущего монографического анализа»³⁹. Или небольшая статья об одном сказочном мотиве — заключительном браке героя волшебной сказки. В ней ставится вопрос методологического порядка — как разлагается сказочный мотив на более элементарные единицы⁴⁰.

Щедрую россыпь интересных идей находим в статье «Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 годов»⁴¹. Содержание ее намного шире названия, и задача, поставленная Никифоровым, отнюдь не сводится к привычному для молодой советской фольклористики тезису о том, что социально-экономические отношения определяют жизнь искусства. Вопрос поставлен шире — о сказке и действительности. Что и как попадает в сказку из окружающей действительности? Отвечая на этот вопрос, Никифоров замечает: «Есть органическая и случайная стороны в номенклатуре мира сказки»⁴². Северные сказки о животных совсем не отражают городской жизни: «Кругозор последних не выходит за границы вида со двора или из окошка деревенского дома»⁴³. Наблюдения над волшебными сказками, напротив, указывают на городскую жизнь, но весьма специфическую: это «небольшой дореволюционный уездный город с водовозами, кухарками, половыми и т. д. Именно на такие города опиралась помещичье-дворянская Россия XVIII и начала XIX в.»⁴⁴.

За этими совсем, казалось бы, непритязательными наблюдениями кроются важные сказковедческие проблемы. Где рождается сказка? По Никифорову получается так: сказка о животных оформилась в деревне, а волшебная — в городе (Никифоров предполагал, что, скорее всего, в пригородной усадьбе, среди дворовых). Принято считать, что русские сказки — очень древнего происхождения, и сейчас находятся охотники возводить их к славянской языческой древности. Номенклатура сказок этого не подтверждает — и либо следует говорить о «законе полной смены текста сказок от эпохи к эпохе», либо признать позднее происхождение русских сказок. «Во всяком случае, колеблется традиционная вера в древность происхождения в России текста современной народной сказки о животных»⁴⁵.

Когда номенклатура выводится за пределы севернорусских сказок, обнаруживается ее всеобщность, и это лишнее свидетельство международного характера сказок. Никифоров, не признававший «мировой сказки», тем не менее делает вывод, с которым нельзя не согласиться: «При всей значительности социально-экономической ассимиляции сказок они остаются все же голыми, т. е. из них выпирают сюжеты схемы, Märchentypen и международные типические социально-экономические категории и отношения»⁴⁶. Здесь что ни суждение, то проблема, и небольшая статья о социально-экономической номенклатуре северных сказок открывает перспективы серьезных исследований.

Замечания об эротических сказках, о мотивах и их элементах, эскизные зарисовки стилевых линий в сказке, наблюдения над номенклатурой сказок — не только заявки на будущие исследования, но и кирпичики старательно строившейся Никифоровым теории народной сказки. В этих построениях Никифоров исходил не из сюжета, не из истории народных сказок, а из живого их бытования. Он убежден: даже 2 тыс. монографий об истории сюжетов, выполненных по методическим разработкам финской школы, не

дадут знания о живой сказочной традиции. Никифоровская теория сказки — это теория, опирающаяся на живые тексты, подслушанные собирателем, рассчитанные на народную аудиторию.

Изучение живой традиции выводит сказковедение на принципиально новые пути — в это Никифоров свято верил, к этому звал он советскую фольклористику, полагая, что западноевропейская наука вступила в «эпоху упадка»: «...актуальнейшие задачи сказковеда — изучение сложного комплекса вопросов живого бытования сказки на разных ступенях культуры, у разных народов и классов, а также агитация за постановку этих вопросов, ибо они недооцениваются европейской фольклористикой»⁴⁷. Программная его статья «Сказка, ее бытование и носители»⁴⁸, написанная ярко и талантливо, почти целиком посвящена прокламируемой Никифоровым проблематике: подробно характеризуются типы сказочников и манеры исполнения, «языковой костюм живой бытующей сказки и сказочника» — и все это исходя из того, что «сказка существует не для записей или чтения, а для живого устного произнесения в кругу слушателей»⁴⁹. Это была новая точка зрения на сказку, позволявшая увидеть в сказке то, на что раньше не обращалось достаточного внимания.

Конечно, внимание к живому тексту было свойственно не одному Никифорову. Он отдает должное великим собирателям русского фольклора и ощущает себя принадлежащим к русской школе фольклористики с ее глубоким интересом к личности исполнителя. Но современники его интересовались не столько текстами, сколько их исполнителями. 20—30-е годы — время увлечения фольклористов индивидуальным мастерством сказочников. Вслед за М. К. Азатовским, давшим блестящие образцы анализа индивидуального сказочного стиля, появились характеристики выдающихся сказочников, а записанные от них тексты были приравнены к авторским сочинениям. Вышли в свет сборники сказок, рассказанных А. К. Барышниковой (Куприянхой), М. М. Коргуевым, И. Ф. Ковалевым, Ф. П. Господаревым.

Никифорова же менее всего интересуется индивидуальное мастерство. Он исходит из того, что сказочник принадлежит среде и «творит только волю массы, его породившей». Поэтому изучение стиля отдельного сказочника не может быть самоцелью исследователя и должно быть подчинено решению более кардинальной задачи «установления стилевых типов сказочного текста вообще безотносительно к исполнителю»⁵⁰. Речь идет не о стилистической манере, а о типических стилевых манерах. Это значит, что «возможна попытка характеристики стиля через голову сказочника, отправляясь только от текста самих сказок»⁵¹. Интерес к бытованию, живому функционированию сказок предопределяет своеобразие подхода Никифорова и к проблеме сказочника, и к проблеме сказочного текста, его морфологии. Свообразие индивидуальных сказочных манер Никифоров стремился классифицировать, свести к определенной типологии. Он выделяет четыре типа сказочников: эпик, забавник, мемуарист и смешанного типа.

Живая жизнь сказочного текста — это постоянная его изменчивость в зависимости не только от сказочника, но и от его аудитории. Отсюда интерес Никифорова к морфологии сказки. Практически одновременно выходят работы о морфологии сказки, принадлежащие Никифорову и Проппу, но они настолько разные, обращены к столь разным аспектам понимания сказки, что толковать о каком-либо приоритете тут не приходится. Пропповская формула волшебной сказки устремлена к универсальности: с ее помощью можно описать любую сказку. Все сюжетное многообразие волшебных сказок Пропп свел к метасюжету. Никифоров, напротив, оставался в рамках типологии сказочных сюжетов, не видя возможности говорить о единой волшебной сказке. Один из пороков рецензировавшей им книги Р. М. Волкова о сказке он усмотрел в смешении разных сюжетов, что, с его точки зрения, недопустимо: «Они отличаются как разные типы специфическими комплексами мотивов для каждого типа, и в этом смысле каждый самостоятелен»⁵². Единой морфологии,

по Никифорову, и быть не могло, как быть не может единой «мировой сказки».

Внимание Никифорова направлено на постоянные и переменные величины в сказке. Величины переменные «есть просто факт жизни сказки», величины постоянные — «факт сказочного искусства»⁵³. Центральным для Никифорова оказывается понятие мотива, причем мотивы у Никифорова связываются прежде всего с персонажами. Проппа интересовало устойчивое и неизменное в сказке — Никифорова привлекает в сказке переменное⁵⁴. По Проппу, функции персонажей определены жестко: таков морфологический закон сказки. Никифоров же, бегло заметив постоянство функций персонажа, утверждает тем не менее: «Группировка частных функций главного персонажа и вторичных персонажей в некоторое количество комбинаций по принципу весьма (но не абсолютно) свободных сочетаний и составляет основную пружину сказочного сюжетосложения»⁵⁵. И если Пропп собрал множество сказок в единый метасюжет, то Никифоров любовался их калейдоскопом, говоря о сказках мужских и женских, сказочниках — эпике и забавнике, — разделяя сказки о трудных задачах, страданиях невинно гонимой и т. д. Опять-таки живая жизнь сказок не позволяла Никифорову говорить о каком-либо одном морфологическом законе: как можно толковать о единой морфологии, если в реальности сказки такие разные?

Никифоров и не испытывал нужды в универсальной морфологической формуле волшебной сказки: такой жанр для него едва ли существовал. Может быть, поэтому и его большая работа о морфологии сказки так и не была закончена⁵⁶. Она не могла быть закончена и потому, что Никифоров все время прислушивался к живому звучанию сказки, ее бытованию. Это делало задачу исследователя практически неразрешимой.

«Текст сказки без учета его исполнения — труп», — к такому выводу пришел Никифоров, побывав в северных экспедициях⁵⁷. Значит, надо исходить по меньшей мере из «двупринципности классификационного критерия при изучении произведений народной словесности» — текста и исполнения. Через 10 лет Никифоров добавит к этим двум принципам еще один — социальную функцию⁵⁸. Легче всего поддавались описанию сказки с ярко выраженной манерой исполнения, и в таких характеристиках Никифоров не знал себе равных: там, где сказка развлекала, откровенно смешила и забавляла, дразнила, — исследователь был необыкновенно наблюдателен и точен. После Никифорова трудно добавить что-либо к характеристике докучных сказок, присказок, детских забавных сказок⁵⁹.

Статья о жанрах русской сказки — последняя в ряду работ Никифорова, выходящих в течение 10 лет, — работ, где специфика фольклорных сказок рассматривается сквозь призму их бытования. Есть в этой статье и приметы своего времени, и характерные черты, свойственные деятельности Никифорова конца 30-х — начала 40-х годов. Но об этом чуть позже. Последняя работа на любимую тему — во многом итоговая, заставляющая вспомнить о всех предыдущих и оценить программу в целом. Изучение «живой сказки», одним из пионеров которого был Никифоров, принесло значительные результаты. Были выяснены особенности бытования сказок, уточнены типы сказочников и определены манеры исполнения. Никифоров нашел новые пути анализа поэтики народных сказок, определяемой во многом манерой их исполнения. И эти наблюдения Никифорова не устарели до наших дней.

Последняя работа обозначила и предел возможностей, открываемых «исполнительским» изучением сказки. Никифоров дошел до этого предела и, видимо, ощутил его. Ученый констатирует: «Несмотря на многочисленные и одновременные опыты всяких „теорий“ сказки, фольклористика не имеет еще ни общепринятого определения самой сказки, ни точной исторической схемы ее жизни на земном шаре или на отдельных его участках, ни даже элементарно необходимой классификации сказочных сюжетов»⁶⁰. Соглашаться

или не соглашаться с такой оценкой сказковедения, все равно неизбежно возникает вопрос: а насколько предложенная Никифоровым методика изучения сказки приближает к пониманию ее природы и созданию более надежной теории сказки? Мы уже говорили о том, какие перспективы она открывала. Теперь о ее уязвимых моментах, связанных с упомянутым пределом возможностей. Преимущественный интерес к живому бытованию сказки отсекал многие пути к решению исконных сказковедческих проблем. Неясной оставалась судьба сказки в древности и средневековье, поскольку о ее бытовании в это время нет данных. Сражаясь с финской школой и отмечая слабые стороны историко-географического метода, Никифоров не желал считаться с «мировой сказкой» — понятием, стоящим вне исполнительства, требующим филологического, а не «исполнительского» подхода. Решительный тезис о необходимости замены историко-литературного подхода фольклористическим, на котором настаивал Никифоров, оборачивался невосполнимыми потерями.

Не складывалась у Никифорова и общая теория сказки. Его определение сказки свелось к тому, что это рассказ, выполняющий разные функции на разных стадиях общественного развития, отличающийся «специальным композиционно-стилистическим построением»⁶¹. Но это в принципе можно сказать о любом эпическом жанре, не только фольклорном. Без признания того, что сказки принадлежат истории, а не «моменту исполнения», что они являются достоянием мировой культуры, а не продуктом определенной социальной среды, — без этого дело построения теории сказки вперед не подвигалось.

Никифоров не мог этого не чувствовать. В последние годы своей научной деятельности он приходит к признанию единства исторического развития сказок в мировом масштабе. Никифоров принимает основную теорию советской фольклористики 30-х годов — стадияльного развития фольклора.

Эта теория в разных ее вариациях принималась едва ли не всеми советскими учеными не только 30-х годов, но и более позднего времени. На одинаковых стадиях социального развития складываются одинаковые типы явлений культуры, в том числе и фольклора, — об этом писал в 50-е годы В. М. Жирмунский, подобные убеждения лежат в основе типологических исследований народного эпоса, выполненных в 60-е годы Е. М. Мелетинским; убежденного защитника нашла эта теория в 70-е годы в лице Б. Н. Путилова⁶².

Теория стадияльного развития в 30-е годы была еще молода, и с нею связывались большие надежды. Ведь если разместить все народы на эволюционной лестнице, то можно будет построить единую, генеральную историю фольклора. То, что представляется неясным в сказке европейской, легко объяснить с помощью более ранних стадияльных явлений. Можно будет дойти до корней, до сути — до того, перед чем в бессилии останавливалась западноевропейская фольклористика. И с оптимизмом человека, которому блеснула яркая идея, Никифоров обращается к чукотской сказке. По мысли Никифорова, это должна быть первая ступень в истории сказки, а дальше будут другие, вплоть до современных сказок европейских народов. Здесь, на этой первой ступени, структура сказки может быть непосредственно связана с формами первобытного мышления, т. е. с самой действительностью. В дальнейшем «нарративное человеческое творчество» создает автохтонные в генетическом отношении сказочные системы, но подчиняются они единым законам развития. Отсюда высокая теоретическая значимость чукотской сказки: «Вопросы генезиса и истории, так же как систематики и морфологии фольклора, только опираясь на разностадияльный, разноплеменный и разновременный материал, смогут получить правильное разрешение и правильную перспективную установку»⁶³.

Оценивая эти надежды и перспективы 60 лет спустя, можно сказать, что в значительной мере они осуществились. Типологическое изучение фольклора помогло многое понять в нарративных жанрах. Но ясно и другое: власть законов стадияльного развития была слишком преувеличена, и «единого плана» в развитии «нарративного человеческого творчества» нет. Это, по-

видимому, почувствовал и Никифоров: заключительная часть его статьи о структуре чукотской сказки не вполне отвечает исходным тезисам. Сказка — универсальный жанр человеческой культуры, но она образует автономные системы, не пересекающиеся между собою. Вывод этот отчасти противоречил и представлениям о стадильном развитии фольклора (явления, возникающие на разных стадиях, при всей универсальности, довольно далеко друг от друга отстоят), и отчасти финской школе, согласно воззрениям которой у каждого сюжета есть своя родина и своя история.

Террор конца 30-х годов сопровождается волной безумия и страха. Накатила эта волна и на Никифорова. Только так можно объяснить некоторые выступления, высказывания и суждения Никифорова последних лет жизни, в особенности небольшие статейки в журнале «Народное творчество»⁶⁴. Основным героическим образом эпоса объявлен Хорь-крестьянин («будничный, простой хозяин земли»), другой ипостасью которого оказывается герой-воин, «способный подняться если не до революционного сознания, то до стихийного революционного действия».

В последние годы жизни Никифоров возвращается к древней русской литературе, ставя перед собой грандиозную задачу — восстановить фольклор Древней Руси. Решение ее основывается на законе стадильного развития общества и фольклора: «Зная, что племена, населявшие русскую территорию в IX в., переживали разложение родового строя, исследователь вправе предполагать существование у них тех фольклорных жанров (шаманского фольклора, магических песен-заговоров, военных родовых песен и т. д.), которые наблюдались у других народов на этой стадии развития»⁶⁵. Данные для реконструкции дает и современный фольклор: «В обильных записях фольклора XVIII—XX вв. осторожное исследование вскрывает следы мировоззрения, художественных приемов самых отдаленных времен»⁶⁶.

Полученная в результате реконструкции картина фольклора Киевской Руси поражает смелостью и фантастичностью. Особенно вдохновенно восстановлен календарно-обрядовый фольклор. То, что Никифоров о нем пишет, — не плод научной импровизации: календарная «обрядопэзия» (так ее Никифоров временами называет) стала одной из главных тем исследователя в середине 30-х годов⁶⁷. Календарный обряд разбит на четыре цикла, причем у каждого есть свое божество: Коляда, Купала, Ярило и безымянное осеннее божество. Все циклы имеют одинаковую композицию: начинается цикл встречей божества, заканчивается его проводами (похоронами). При этом каждый цикл отмечен специфическим настроением: для зимнего цикла характерно «выжидательное настроение», весенняя хороводная песня полна любовной тоски по неизвестному возлюбленному, купальская любовная песня говорит о найденном возлюбленном, а песни осенние — уже семейные, с «сожалением о прошлом, девичьей свободе»⁶⁸. Общий эмоциональный тон календарного фольклора радостный⁶⁹.

Столь же свободно размышляет Никифоров о хранителях фольклора, учитывая и профессиональных исполнителей. Разграничены репертуары скоморохов и народных певцов Киевской Руси, прямыми наследниками которых объявлены украинские кобзари и лирники. Героический эпос рассматривается как «своеобразная народная историческая публицистика», поэтика его — «явление народной поэзии», а не создание каких-либо скоморохов или певцов, обитавших при княжеском дворе. Теория аристократического происхождения былин отвергнута, но без оговорок принимает Никифоров главное положение исторической школы: «Народный эпос по своему первоначальному образованию всегда современен или воспеваемому событию, или, по крайней мере, живому впечатлению этого события на народ»⁷⁰. Былины поэтому могут быть возведены к конкретным историческим фактам. Заметим, кстати, что былинами в конце 30-х годов Никифоров занимался много: ему принадлежит образцовая текстологическая работа над «Онежскими былинами» А. Ф. Гильфердинга (в конце 30-х годов вышли два тома, а все три — в 1949—1951 гг.).

При всей спорности реконструкций Никифорова, он вплотную подходил к решению проблем, волновавших русскую фольклористику 30—40-х годов, — истории русского фольклора. Содержательные статьи на эту тему принадлежат Н. П. Андрееву. Большой же труд по истории русского фольклора вышел в свет уже после войны⁷¹. Взгляд Никифорова на взаимоотношения фольклора и литературы в Древней Руси разделялся многими «древниками» 40—50-х годов: «Близости к фольклору обязана русская литература своими лучшими художественными ценностями, созданными ею на протяжении всей ее истории, начиная с преданий Начальной летописи, героических рассказов о борьбе Русской земли за свою независимость и величайшего памятника мировой поэзии „Слова о полку Игореве“»⁷².

Эта установка помогает понять и самую крупную, последнюю работу Никифорова, ставшую его докторской диссертацией, «Слово о полку Игореве — былина XII века» (защищена 12 мая 1941 г.). Главный ее тезис: «Слово о полку Игореве» и было создано и существовало не как факт литературы, а как произведение устной народной поэзии, былина XII в. — творчество не киевского литератора, а народного певца-сказителя — не встретил поддержки среди филологов ни во время защиты диссертации, ни впоследствии. Тезис этот находится в резком противоречии с тем, что думают о «Слове» филологи и как видится героический эпос фольклористам. Лишь из явного предпочтения фольклора литературе могло родиться такое исследование, построенное не только на фактах, но и на горячей вере в то, что «Слово о полку Игореве» рождено «стихией народных ритмов» (говорят, на защите диссертации Никифоров запел «Слово» как былинку, чтобы убедить оппонентов, так и не согласившихся с ним). Никифоров был убежден, что с точки зрения ритмической «Слово» стоит между былинами как древним типом «рецитационного стиля» и украинскими думами — плодом «диалектического развития старого киевского эпоса»⁷³. Мало того — «Слово» оказалось способным создать собственную традицию — она продолжилась в «Задонщине», в повести об Азовском осадном сидении XVII в., в былинах XVII—XX вв. Поверить в это трудно.

Но огромная работа, проделанная Никифоровым, не только продемонстрировала ученость автора. Рассуждая о поэтике «Слова», Никифоров предлагал поразительные характеристики героического эпоса, народной лирики, обрядовой поэзии. Он писал об общности образной системы русских песен и украинских дум, восточнославянских колядок и песен внеобрядовых. И если суждения о фольклорном репертуаре Древней Руси во многом оставались гадательными, наблюдения Никифорова над образной системой восточнославянского фольклора не потеряли своей актуальности⁷⁴.

Не прошло и месяца после защиты докторской диссертации Никифоровым, как началась Великая Отечественная война. Ученый остался в Ленинграде. В январе 1942 г. он по доносу был арестован. Выпустили его в апреле. Через три дня после освобождения, 21 апреля 1942 г., Никифоров скончался. В чем его обвиняли, можно только предполагать, но умер он не в тюремных стенах, без клейма политического преступника.

Нежданное освобождение не продлило жизни ученому, но сохранило его имя в науке: фамилия Никифорова не вымарывалась на титульных листах, и труды его не замалчивались. Правда, ни одна из подготовленных Никифоровым монографий не была издана, как не переиздавались и его статьи. Лишь «Севернорусские сказки» увидели свет — в урезанном виде. Но работы Никифорова о сказке неизменно включались во все учебные хрестоматии по русской фольклористике. Его статья об эротике в сказке вспомнилась нынешними издателями «Русских заветных сказок» А. Н. Афанасьева. В общем Никифоров не забыт. Но наследие его нуждается в более пристальном внимании. Жизнь и восприятие фольклорного текста — главная научная проблема, волновавшая Никифорова, — выходит на авансцену современной западноевропейской фольклористики. Однако труды А. И. Никифорова остаются

неизвестными европейской научной общественности. Они, несомненно, заслуживают издания и современной оценки.

Примечания

- ¹ Семинарий русской филологии академика В. Н. Перетца. 1907—1927. Л., 1929. С. 28.
- ² Там же. С. 29.
- ³ Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая — 10 июня 1915 года. Киев, 1916. С. 90—124.
- ⁴ Никифоров А. Литературные материалы//Казанский музейный вестник. 1922. № 2. С. 74.
- ⁵ Никифоров А. И. Русские повести, легенды и поверье о картофеле//Изв. О-ва истории, археологии и этнографии при Казанском ун-те. 1922. Т. XXXII.
- ⁶ Там же. С. 70.
- ⁷ Никифоров А. И. Музей и рукопись//Казанский музейный вестник. 1920. № 3—4.
- ⁸ См.: Архив Академии наук. С.-Петербург. (далее — ААН СПб). Ф. 747. Д. 112. Л. 4.
- ⁹ Никифоров А. И. Этнография в школе. М.; Л., 1926. С. 6.
- ¹⁰ Там же. С. 29.
- ¹¹ См.: Сказочная комиссия в 1924—1925 гг. Обзор работ. Л., 1926.
- ¹² Никифоров А. И. К вопросу о задачах и методах научного собирания произведений устной народной словесности//Изв. Русского географического общества (далее — Изв. РГО). Л., 1928. Т. LX. Вып. 1.
- ¹³ Там же. С. 80.
- ¹⁴ Теперішній заонезький казкар-оповідач//Етнографічний вісник. Київ, 1930. № 9.
- ¹⁵ Никифоров А. И. К вопросу о задачах и методах... С. 94.
- ¹⁶ Сьогочасна пінезька казка//Етнографічний вісник. Київ, 1929. № 8.
- ¹⁷ К вопросу о картографировании сказки//Сказочная комиссия в 1926 г. Обзор работ. Л., 1927.
- ¹⁸ См., например: Свод таджикского фольклора. Т. I. Басни и сказки о животных. М., 1981; Holbek V. Interpretation of Fairy Tales. FFC № 239. Helsinki, 1987.
- ¹⁹ Сам он писал о 600 вариантах, но опись его собрания включает около 540 номеров. См.: Советский фольклор (далее — Сов. фольклор). М.; Л., 1936. № 2, 3. С. 122.
- ²⁰ См.: Письмо М. Горького Никифорову и примечания Никифорова//Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. IV. Вып. 2.
- ²¹ Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова/Ред. и вступ. статья В. Я. Проппа. М.; Л., 1961.
- ²² В. Я. Пропп деликатно сказал об этом: «Неизбежное в таких случаях наличие довольно значительного количества неполноценных в художественном отношении текстов затрудняет вопрос об издании этого собрания»//Севернорусские сказки... С. 19. Действительно, Никифоровский принцип «полноты собрания» оказывается абсолютно нереализуемым, и будем благодарны В. Я. Проппу: он сделал все возможное для того, чтобы мы получили практически полную информацию о репертуаре записанных Никифоровым сказок.
- ²³ Никифоров А. И. Проблема сказочного сборника//Сов. фольклор. М.; Л., 1936, № 2, 3. С. 421.
- ²⁴ Там же. С. 415.
- ²⁵ Там же. С. 414.
- ²⁶ См. заключительный раздел статьи; Теперішній заонезький казкар-оповідач//Етнографічний вісник. Київ, 1930. № 9.
- ²⁷ Никифоров А. И. Проблема сказочного сборника... С. 413.
- ²⁸ Никифоров А. И. Победитель змея//Сов. фольклор. М.; Л., 1936. № 4—5.
- ²⁹ Там же. С. 144, 146.
- ³⁰ Там же. С. 145.
- ³¹ Севернорусские сказки... С. 5.
- ³² См.: Етнографічний вісник. Київ, 1928. № 7.
- ³³ См.: Изв. Общества Русского языка и словесности АН СССР (далее — ОРЯС АН СССР). Т. XXXI. Л., 1926.
- ³⁴ Там же. С. 354.
- ³⁵ Там же. С. 359—361.
- ³⁶ Никифоров А. И. Устная поэзия (фольклор)//ААН СПб. Ф. 747. Д. 1. Л. 34.
- ³⁷ Никифоров А. И. Две французские книги по фольклору//Художественный фольклор (далее — Худ. фольклор). М., 1926. Т. 1. С. 108.
- ³⁸ Никифоров А. И. Эротика в великорусской народной сказке//Худ. фольклор. Т. 4, 5. М., 1929.
- ³⁹ Никифоров А. И. Важнейшие стилевые линии в тексте северной русской сказки//Slavia. 1934. Т. XIII. № 1. С. 67.
- ⁴⁰ Никифоров А. И. Мотив, функция, стиль и классовый рефлекс//Сб. статей к 40-летию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934.
- ⁴¹ Никифоров А. И. Социально-экономический облик севернорусской сказки 1926—1928 го-

дов//Сергею Федоровичу Ольденбургу. К 50-летию научно-общественной деятельности. 1882—1932.

Л., 1934.

⁴² Там же. С. 380.

⁴³ Там же. С. 382.

⁴⁴ Там же. С. 391.

⁴⁵ Там же. С. 397.

⁴⁶ Там же. С. 396.

⁴⁷ Никифоров А. И. Теория сказки Альберта Вессельского. *Slavia*. 1934. Т. XIII. № 1. С. 63.

⁴⁸ Никифоров А. И. Сказка, ее бытование и носители//Русские народные сказки/Сост.

О. И. Калица. М.; Л., 1930.

⁴⁹ Там же. С. 51.

⁵⁰ Там же. С. 52.

⁵¹ Там же. С. 53.

⁵² См.: Изв. ОРЯС АН СССР. Л., 1926. Т. XXXI. С. 367.

⁵³ Никифоров А. И. Важнейшие стилиевые линии... С. 57.

⁵⁴ Отсюда и резкий выпад в одной из поздних работ против В. Я. Проппа, ставшего «на точку зрения не биолога, не систематика даже, а формалиста-регистратора внутреннего состава многофункциональных сказочных текстов» (См.: Никифоров А. И. Жанры русской сказки//Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Фак. яз. и лит. Вып. 1. Л., 1938. С. 233).

⁵⁵ Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки//Сборник ОРЯС АН СССР. Л., 1928. Т. CI. № 3.

⁵⁶ ААН СПб. Ф. 747. Д. 30.

⁵⁷ Никифоров А. И. Народная детская сказка драматического жанра//Сказочная комиссия в 1927 г. Обзор работ. Л., 1928. С. 61.

⁵⁸ Никифоров А. И. Жанры русской сказки. С. 237.

⁵⁹ См.: Народная детская сказка драматического жанра; Російська докучна казка//Етнографічний вісник. Київ, 1932. № 10; Присказка//Литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1935.

⁶⁰ Никифоров А. И. Жанры русской сказки. С. 233.

⁶¹ Там же. С. 235.

⁶² Путилов Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.

⁶³ Никифоров А. И. Структура чукотской сказки как явление примитивного мышления//Сов. фольклор. М.; Л., 1936. № 2, 3. С. 234.

⁶⁴ Никифоров А. И. Любовь к родине (Исторический обзор фольклора)//Народное творчество. 1938. № 6; *его же*. Герои и героическое в русском эпосе//Народное творчество, 1938. № 9.

⁶⁵ Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода//История русской литературы. Т. I. Литература XI — начала XIII века. М.; Л., 1941. С. 217.

⁶⁶ Там же. С. 216.

⁶⁷ В ААН СПб. Хранится рукопись монографии о календарной поэзии. Кроме того, Никифоров подготовил том обрядовой поэзии для Большой серии «Библиотеки поэта», не вышедший в свет, а также небольшой сборник обрядовой поэзии. См.: ААН СПб. Ф. 747. Д. 3, 4.

⁶⁸ Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода. С. 228.

⁶⁹ Еще решительнее пишет Никифоров об эмоциональной стороне обрядового фольклора в неопубликованной монографии. Здесь настроения определены как выжидательное, возбужденное, радостно-эротическое и удовлетворенно-успокоенное. См.: ААН СПб. Ф. 747. Д. 3. Л. 275—276.

⁷⁰ Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода. С. 239.

⁷¹ Русское народное поэтическое творчество. Т. 1, 2. М.; Л., 1953—1956. Раздел о фольклоре Киевской Руси написан Д. С. Лихачевым.

⁷² Никифоров А. И. Фольклор Киевского периода. С. 216.

⁷³ Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве»//Учен. зап. Ленингр. Гос. пед. ин-та. им. М. Н. Покровского. Т. IV. Фак. яз. и лит. Вып. 2. Л., 1940.

⁷⁴ Фрагменты докторской диссертации Никифорова были опубликованы С. Н. Азбелевым: Фольклор и «Слово о погибели Руская земли»//Из истории русской фольклористики. Л., 1978; *его же*. О фольклорном репертуаре XII—XVIII вв.//Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981.

The Life and Thought of Alexander Nikiforov (1893—1941)

The paper deals with the biography of an outstanding Russian folklorist, ethnologist and literary critic, whose centennial anniversary we celebrated in 1993. The author of the article pays special attention to the methodological problems of ethnographic fieldwork as it was practiced by A. I. Nikiforov and his contribution to the study of Russian folktales.

E. A. Kostyukhin